

ОБРАЗ СЛУЖАЩИХ СИБИРСКИХ ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX – НАЧАЛА XX в.

Анализируются произведения художественной литературы и публицистики, в которых дается негативная характеристика служащих сибирских золотых промыслов, делается попытка объяснить этот феномен.

Одним из самых негативных образов в литературных произведениях, посвященных сибирскому краю, является фигура служащего золотых приисков. Такая отрицательная реакция общественности на служащих золотых промыслов сложилась во многом благодаря поведению, происхождению, моральному облику, уровню образования самих служащих. Рассмотреть как отрицательные, так и положительные стороны образа служащего сибирских золотых приисков в литературе и публицистике прошлого и есть главная задача данной статьи.

Литературные источники о приисковых служащих можно разделить на несколько групп. В первую можно включить произведения таких жанров как рассказы, повести и пьесы. Во вторую входят опубликованные воспоминания, письма, в которых упоминаются служащие сибирских золотых промыслов. И, наконец, третью группу составляют научные труды, посвященные проблемам сибирской золотопромышленности, где можно встретить описание положения и облика служащих золотых приисков Сибири.

Если говорить про авторов данных произведений, то следует отметить, что практически все они на разных этапах своей жизненной биографии если и не являлись участниками приисковой деятельности в Сибири, то были очень хорошо с ней знакомы. К таким людям следует отнести известного писателя и инженера В.И. Шишкова, сибирского писателя-народника Н.И. Наумова, золотопромышленника и писателя Н.В. Латкина, священника Завиткова, публициста А.А. Дробыш-Дробышевского (А. Уманьского) и других. Названные люди по долгу своей службы проводили немало времени на сибирских золотых промыслах, нередко сами служили на приисках. В их произведениях видно знание рутинной золотопромышленной деятельности со всеми ее нюансами и проблемами. Данные произведения выступают в качестве важного источника в воссоздании портрета служащего золотых приисков Сибири.

Другой категорией авторов являются люди, которые сами непосредственно не соприкасались с золотопромышленной деятельностью, но, тем не менее, были хорошо знакомы с ней. В нашей статье мы использовали произведения авторов этой категории отца Сергея (Сретенского), некоего Александрова, бывшего моряка, автора пьесы под названием «Гаежный карнавал» о приисковой жизни, а также особы, которая подписывалась «А. Б-ъ», жены одного из сибирских золотопромышленников.

В третью группу авторов включены общественные деятели, публицисты, врачи, среди них К.Б. Чаплеевский, А.А. Колычев, Е.И. Барановский и ряд других людей. Все они публиковали свои статьи в различных научных изданиях XIX – начала XX в. или даже выпускали отдельные книги, посвященные золотой промыш-

ленности Сибири. В этих трудах есть немало упоминаний и про служащих золотых приисков. Помимо названных категорий авторов есть еще группа лиц, подписывавшихся псевдонимами и про которых практически ничего неизвестно.

Служащих на сибирских золотых промыслах можно разделить на два основных разряда: горные служащие, которые были непосредственно задействованы на работах по добыче золота, и конторские служащие, которые вели всю бухгалтерию на прииске и находились в специально отведенном для этого помещении, а также те, кто отвечает за материально-хозяйственную часть на прииске – материальные. К категории служащих близки по положению казачьи стражники во главе с горными урядниками, следившими за порядками на веревных им приисках, и медицинские работники, которые по закону обязаны были находиться на каждом золотом прииске. Однако данную категорию служащих мы не будем рассматривать.

Каким образом структурируют состав служащих современники? Вот, например, какую приисковую иерархию в своих рассказах приводит П. Небольсин: хозяин, главноуправляющий, управляющий, становой, доверенный, комиссионер «по особым поручениям», кассир, бухгалтер, приказчик по наемке и закупам, материальный, просто приказчик, смотритель, просто служитель, штейгер-нарядчик, староста, десятский, конюх и простые рабочие [1. С. 17].

Самыми одиозными среди служащих золотых промыслов были те, в обязанность которых входил надзор за рабочими, контролирование процесса добычи золота. Смотрители, нарядчики были вынуждены проводить огромную часть своего времени в среде рабочих, подвергаясь при этом многочисленным опасностям, которые случались во время горных работ, а также и тем опасностям, которые могли исходить от самих рабочих. А.А. Уманский описывал их обязанности следующим образом: «Смотрителям приходится вставать вместе с рабочими, часа в 3, а на некоторых приисках даже в 2 часа утра и уходить, когда все окончат работу, т.е. часов в 8 вечера и позже. К этому следует прибавить неизбежные неприятности с рабочими, неприятности, которые могут окончиться трагически... Хуже должности смотрителя, по крайней мере неприятнее, – если еще не тяжелее – должность нарядчика. Последний обязан будить рабочих перед отправлением их на работу, почему называется иначе *будилкою*; он же исполняет обязанности ближайшего надсмотрщика за поведением рабочих. Больше всех сталкиваясь с рабочими, он вызывает в сильной степени их злобу, почему нередко подвергается избиванию» [2. С. 93–94].

Со всеми служащими, поступающими на работу на определенный прииск, администрацией данного при-

иска заключался персональный контракт, в нем строго оговаривались все условия работы и жизни горного служащего. Таким образом, служащие были связаны с администрацией рядом суровых условий, которые порой носили кабальный характер, как отмечал А.А. Колычев: «Контракты со служащими все вполне гарантируют управление от ухода служащего, не давая самому служащему никакой гарантии от расчета во всякое время. Если управление пожелает уволить служащего, оно может проделать это в любой момент, не давая служащему никаких объяснений» [3. С. 50].

В советской историографии сложилось представление о том, что материальное положение буквально всех служащих сибирских золотых промыслов не идет ни в какое сравнение с тем крайне тяжелым положением, в котором находились рабочие. Жилищные условия, заработная плата, сам характер и объем работ служащих во многом якобы были лучше, чем у массы рабочего люда. Однако из литературных произведений о приисковой жизни можно увидеть, что это было не совсем так. Действительно, ряд высокопоставленных служащих жили в довольно комфортных условиях, которые порой не уступали городским. К числу таких служащих следует отнести прежде всего главноуправляющих приисков. Следует учитывать тот факт, что хорошие помещения для служащих и богатую резиденцию для управляющего могли позволить себе только те прииски, где дела шли достаточно хорошо. В основном помещения служащих среднего звена на небогатых золотом приисках, по сообщениям сибирских газет, мало чем отличались от помещений рабочих: «Помещения, в которых они [служащие] жили, были плохо устроены и малы» [4. С. 2].

Что же касается заработной платы служащих, то она тоже была различной: на богатых приисках одна, на бедных – другая. Она также была разной у высших менеджеров и у служащих рангом ниже. Нередко бывало, что рабочие за сезон (операцию) выручали денег больше, чем иной служащий. К.Б. Чаплеевский считал: «Приисковые служащие вознаграждаются сравнительно с рабочим людом гораздо хуже» [5. С. 85]. А вот что писал о том же некий Н. Г-в: «Положение служащих сравнительно лучше, хотя и здесь 300-рублевое вознаграждение крайне мизерно и не отвечает тем многотрудным обязанностям, которые несет на себе бедняк – горный служащий» [6. С. 259]. Воровство, взяточничество и вымогательства служащих публицисты считали следствием малого жалования: «Ничтожное вознаграждение служащих почти всегда ведет к злоупотреблениям, которые часто недешево обходятся компаниям» [7. С. 172].

Работы, которые должны были выполнять служащие, были также различны. Практически все авторы с уважением относились к их нелегкой работе. Исключение составляли только конторские служащие, либо пьяные, либо страдающие похмельем, как в одном рассказе [8. С. 2–4], особенно злые или нечестные. Вот как описывает таких служащих А.А. Уманьский: «Нечестные материальные, не стесняющиеся обвешивать рабочих, катаются как сыр в масле. Многие из них успевают нажать капиталец, если только они непристрастны к вину» [2. С. 95]. Или другой пример: «Кажется не

головоломное занятие [о должности материального] и не Бог знает какое соблазнительное, а как надобно быть осторожным в выборе материальных!.. Мало-мальски ослабишь надзор, положишься на честность – как раз попадешь впросак» [1. С. 2].

Говоря о служащих золотопромышленных работ, в художественной литературе можно найти много фактов, подтверждающих нелегкий характер их деятельности. Последнее видно уже из приводившегося выше отрывка из книги А.А. Уманьского. А вот что о работе служащего писал некто Н. Г-в: «Летом рано утром он уже на работе и в продолжение целого дня терпит участь, почти равносильную рабочему-поселенцу. Сверху на него льет, пронизывая до костей, сентябрьский дождь или палит жгучими лучами июньское солнце, ноги вязнут чуть не по колено в липкой тяжелой грязи – измученный, усталый, пошатываясь, переходит он от одного забоя к забою, отдавая приказания» [6. С. 259]. Такое описание говорит уже об уважении к ремеслу служащего.

Если рассматривать социальное происхождение служащих по литературным источникам, то следует сказать, что на первом месте стояли мещане и крестьяне, затем шли купцы, ссыльнопоселенцы, и, наконец, последнее место занимали дворяне [3. С. 46]. Из этого можно сделать ряд выводов, в том числе и об уровне образования служащих золотых промыслов Сибири. Практически все авторы отмечают низкий уровень грамотности обычных служащих. Тот же А.А. Колычев говорит, что «...большинство приисковых служащих полуграмотны, и то кое-как подписывающие свою фамилию, лица даже со средним образованием очень редки, а о лицах с высшим образованием нечего и говорить» [3. С. 46.] В.Д. Скарятин, известный автор «Записок золотопромышленника», писал, что он не знает «...по всей Енисейской губернии ни одного хорошего управляющего прииском, который получил бы специальное горное образование» [9. С. 163].

Отсутствие образования многие служащие пытались компенсировать в работе физической силой. Следующее описание одного такого служащего подтверждает вышесказанное: «Хотя он плохо умел читать и писать, зато обладал геркулесовым сложением, имел увесистый кулак и широкое горло» [6. С. 11]. Большинство авторов указывают на то, что в общении служащих с рабочими часто присутствовала грубость, брань и рукоприкладство: «Некоторые из служащих не могли попросить у рабочего напиться воды без прибавления самой отвратительной брани» [3. С. 47]. Следующий характерный эпизод из рассказа Н.И. Наумова «Еж» наглядно демонстрирует характер взаимоотношений между рабочими и служащими. Надсмотрщик одного прииска так сильно ударил по голове одного рабочего за какую-то провинность, что тот упал. Автор далее пишет: «Остальные рабочие, привыкшие к этим сценам, не обратили на нее никакого внимания» [10. С. 269]. Такая картина была особенно типична для середины XIX в., в начале следующего столетия, как писал Колычев, «...понемногу стал исчезать старый тип приискового служащего – грубого до невозможности, не бывшего в состоянии двух слов сказать без ругани, всегда полупьяного и ни о чем кроме водки и удовле-

творения чисто животных потребностей не думающего» [3. С. 47].

Многие служащие, не обладая первоначальными знаниями о ведении горных работ, проведя огромную часть своей жизни в тайге, на собственном опыте постигали премудрости горного дела. Таких людей называли чаще всего практиками. Вот описание одного такого практика: «Не имея никакого первоначального образования кроме первоначальной грамоты, а тем более специальных познаний кроме долгой практики и умения обращаться с астролябией, нивелиром и промерной цепью, он, по недостатку тогда в Сибири специалистов-межевщиков, выслужился в чиновники и стал помощником горного отводчика золотосодержащих площадей» [11. С. 77]. Однако, несмотря на отсутствие базового технического горного образования, практиков, т.е. людей, отдавших значительную часть своей жизни золотопромышленному делу, начальство золотых приисков ценило: «Такой набивший руку долговременной практикой помощник был золотым и необходимым человеком для своего отводчика, без которого последнему было бы затруднительно исполнять свое дело» [11. С. 77].

Чем же занимались служащие в свободное от работы время? Из литературных произведений и публицистики прошлого можно сделать вывод, как писал один корреспондент «Восточного обозрения», что «...служащие на приисках большею частью народ грубый, не получивший никакого образования и не читающий ничего дельного. Исключения редки. Развлекаются служащие картами, выпивкой и женщинами» [12. С. 2]. Такая картина не редкость во многих рассказах о сибирских золотых приисках. В действительности же служащие пытались проводить свой досуг более полезно, устраивая концерты, театральные постановки, однако это практически не нашло отражения в литературе.

Пьянство служащих золотых промыслов авторы литературных произведений всегда выделяли из всех проступков служащих. Известно, какое пагубное влияние оказывало спиртное на приисковый рабочий люд, однако, по мнению В.Д. Скарятин, «...золотопромышленники, их управляющие, конторщики, бухгалтера, материальные и прочая братия отличаются не хуже рабочих» [9. С. 24]. Многие из служащих золотых промыслов были связаны с продажей спиртных напитков на прииске. Вот какое описание можно встретить в воспоминаниях некоего П. Собокарева, бывшего студента, поработавшего на золотых приисках Енисейской губернии: «На каждом прииске был свой кабак, из которого служащий, заведующий кабаком, обязан был отпускать по ордерам конторщика и разных смотрителей шахт, машин, разрезов водку служащим и рабочим. Заведывание этим делом всегда составляло мечту очень многих... Заведующий кабаком так умело разбавлял ее [водку] водой, что о растрате водки не могло быть и речи» [13. С. 925]. Пристрастие к спиртному часто ставило крест на службе, как это произошло с одним служащим Саватием в рассказе Н.В. Латкина «Отвод»: «Конец же его карьеры был однако же печальный: за непомерное пьянство, несмотря на его способность к работе и знание своего дела, он был уволен со службы с каким-то небольшим пенсионом, а потом вскорости после того он умер в больнице от белой горячки» [11. С. 86].

Другим пороком в среде служащих золотых приисков Сибири, также часто встречающимся в литературе, было приставание к женщинам. Многие служащие держали у себя в прислуге женщин, в основном жен рабочих, и безнаказанно подвергали их насилию. Особенно «отличались» в этом деле управляющие приисков. Так, один управляющий в рассказах А. Мисюрева «...любитель был до чужих жен. Если красивая – значит ему. Прикажет мужу, чтобы привел, и все тут. Потом она ребенка родит, он ее с ребенком отсылает обратно» [14. С. 112]. Другие служащие тоже тайком встречались с женами рабочих. В рассказе Н.И. Наумова «Паутина» рассказывается о том, как помощник управляющего прииска все время ходил к жене одного рабочего, которая была стряпухой у управляющего. Он был так ослеплен своей страстью, что ничего и никого не видел и даже работы принимал не глядя [10. С. 466–470].

Практически все авторы констатировали только факты аморального поведения служащих золотых промыслов, и мало кто попытался рассмотреть и понять причины, которые толкали служащих на такое поведение. Одним из немногих, кто обращался к этой проблеме, был автор, подписывающийся «Н. Г-в»: «Заброшенная вглубь суровой сибирской тайги, отделенная громадными пространствами от остальных людей, окруженная непроходимыми делями, эта жизнь представляет совершенно изолированный, своеобразный мирок со своими страстями, целями и интересами... Кружок людей замер на одном деле: с этим делом он путем сорокалетнего, неустанного служения свыкся, ему отдает все свои наилучшие силы и средства и вне его перестает видеть все, что могло бы возбудить, оживить его застывший, одичалый, поглощенный односторонностью мозг» [6. С. 261].

Самым высшим звеном в иерархии горных служащих были управляющие приисков. О них есть достаточно большое количество упоминаний в литературных произведениях и публицистике. Следует отметить, что на протяжении второй половины XIX – начала XX в. отношение к ним было неоднозначным. А.А. Кольчев называет управляющего «...неограниченным властелином прииска, никому не дающему отчета в своих действиях по прииску... он присваивает себе способность мыслить, только он один и может рассуждать на прииске» [3. С. 47], а А.А. Уманский говорит об этой должности с явным уважением, как о «требующей много соображений и умственных комбинаций» [2. С. 93]. Так, в середине столетия доминировало представление об управляющих приисков, как в пьесе «Таежный карнавал», как о любителях «картишек», спорящих на две дюжины шампанского о том, кто был раньше: Петр Первый или Иван Грозный [15. С. 272]. Примерно такое же поведение управляющих приисков можно найти и в «Записках золотопромышленника» В.Д. Скарятин. [9].

Многие из управляющих золотых приисков пришли в эту область, сменив не одну профессию, часто пройдя через всю иерархию приисковых служащих. Все это откладывало отпечаток на их сознании и они, как писал один публицист, не в состоянии отрешиться от этого «...даже тогда, когда обстоятельства меняются, и они не могут понять того, что иногда бывает полезно поступить немногим, чтобы получить гораздо большее, по-

лезно больше израсходовать на рабочих, чтобы при их помощи иметь гораздо большие барыши» [16. С. 369].

Можно встретить и противоположную точку зрения на управляющих приисками, принадлежащую А. Б-ой, жене сибирского золотопромышленника. В своих воспоминаниях она описывает Енисейск 40-х гг. XIX в., в том числе и местные золотые промыслы. Она не без доли иронии и симпатии рассказывает об одном управляющем «...улане старых времен, до старости танцующем без устали, распорядителе всех балов и пикников, красящем волосы, всегда имеющем вид полкового командира и самого неспокойного характера» [17. С. 175].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ служащих золотых промыслов на страницах литературных произведений и публицистике XIX – начала XX в. неоднозначен. За описаниями авторов, с одной стороны, можно увидеть все негативные стороны жизни приискового служаки: ругань, пьянство, карты и развратную жизнь. Однако, с другой стороны, на страницах литературных произведений можно увидеть и противоположную, трудовую жизнь приисковых служащих в тяжелых таежных условиях. Образ служащего сибирских золотых приисков – хороший или отрицательный – во многом зависит от позиции самого автора, его взглядов и положения в обществе. Необходимо учитывать и такой важный фактор, как осведомленность автора о приисковой жизни в Сибири, или, попросту говоря, бывал ли он лично на приисках или черпал информацию от других людей и каких-либо еще источников. Так, например, известный во второй половине XIX в. сибирский писатель Н.И. Наумов, несмотря на то, что был писателем-народником, занимал различные чиновничьи должности по крестьянским делам и часто посещал сибирские золотые промыслы. Все свое негативное отношение к служащим сибирских золотых приисков он выразил словами одного

своего героя: «Тридцать годков без удержу таежные-то тропы топчу... Ну, не видел еще среди служащих подходящего человека, чтобы теперича сказать можно было: «дай ему, господи, добро здоровье» [10. С. 534].

Другие авторы воздерживались от такого рода однозначных-негативных оценок в адрес служащих золотых промыслов Сибири. Большинство из них описывало не только отрицательные черты их характера, но стремилось показать и положительные стороны. Некоторые авторы, такие как К.Б. Чаплевский с явным уважением отзывались о служащих: «Приисковый служащий в общем суждении о всем контингенте их безусловно хорош и вполне соответствует требованиям таежного дела. Он любит его, и только потерянное здоровье поневоле заставляет уйти из тайги и затем до могилы вспоминать его» [5. С. 85].

Следует также отметить незащищенность служащих золотых приисков от произвола тех, кто их нанимал, о чем мы уже упоминали, и о нелегкой их судьбе, о чем неоднократно писали многие авторы: «Судьба служащих на прииске одна из самых незавидных. Приисковая жизнь приучает к полнейшей беспечности, о завтрашнем дне никто не думает... не надо забывать, что до сих пор в Сибири на бывших золотых служащих смотрят как на никуда не годных людей, которым цена грош. Оторвать от приисков равносильно тому, чтобы обречь себя с семьей на продолжительное голодание» [3. С. 51]. Все это говорит о том, что стереотипы негативного отношения к служащим, сложившиеся в первые десятилетия сибирской золотопромышленности, начали медленно меняться с 80-х гг. XIX в. С этого времени образ приискового служащего в литературных произведениях и публицистических работах стал неоднозначным, отражая реальные перемены приисковой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рассказы о сибирских золотых промыслах* // Отечественные записки. 1847. Т. 55.
2. *Уманьский А.А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1889.
3. *Колычев А.А.* Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб., 1910.
4. *Сибирский вестник.* 1905. № 145.
5. *Чаплевский К.Б.* Тайга и золото. СПб., 1899.
6. *Сибирские рассказы из жизни приискового люда.* СПб., 1888.
7. *Барановский Е.И.* Золотопромышленность в Восточной Сибири // Вестник Европы. 1898. № 7.
8. *Восточное обозрение.* 1889. № 19.
9. *Скарятин В.Д.* Записки золотопромышленника. СПб., 1862.
10. *Наумов Н.И.* Избранные произведения. Новосибирск, 1951.
11. *Латкин Н.В.* На сибирских золотых приисках. СПб., 1898.
12. *Восточное обозрение.* 1884. № 27.
13. *Собокарев П.* Приисковые воспоминания // Сибирский архив. Иркутск, 1912. № 12.
14. *Мисюрев А.* Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Новосибирск, 1940.
15. *Александров.* Таежный карнавал // Сибирский сборник. СПб., 1887.
16. *П. Р-в.* Русская золотопромышленность и ее условия // Вестник Европы. 1880. № 3.
17. *Воспоминания о сибирской золотопромышленности А. Б-ой* // Сибирский сборник. СПб., 1887.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 января 2008 г.